

Мать Бай убеждала дочь попросить денег у Чжун Цзяньго. Бай Хуа была доверчивым человеком, но ей также было жаль своего мужа, который еще не оправился от старых ран, как получил новые. Зная, что Чжун Цзяньго сильно ненавидел семью ее матери, она, естественно, не хотела злить его и доставлять проблем.

Мать Бай отругал дочь за бесполезность.

Бай Хуа часто ругали, когда она была ребенком, и она настолько привыкла к ругани матери, что ее это не цепляло. Но Дава, который день ото дня становился понятливей, очень разозлился и, вернувшись, рассказал все отцу.

Чжун Цзяньго перестал считать, сколько раз он разговаривал с женой. Стоило ее матери сказать несколько нежных слов и пустить слезу, как Бай Хуа сразу же забывала о муже и детях. Чжун Цзяньго не хотел снова возвращаться к этому вопросу, поэтому он убедил Даву успокоиться, поскольку через несколько дней они переедут на остров Вэньчжоу, подальше от своей бабушки, чтобы та больше не ругала его мать.

Дава был очень счастлив, и Бай Хуа заразилась от сына этим настроением. Однако, приехав на остров Вэньчжоу, Бай Хуа неожиданно забеременела. Чжун Цзяньго был слишком занят расселением своих солдат и патрулированием в море, чтобы заботиться о жене. Бай Хуа попросила привезти к ней мать, и Чжун Цзяньго не стал возражать.

Дава не понимал, почему его мать хочет привезти бабушку, когда та так плохо себя ведет. По этой причине он два дня не разговаривал с матерью.

Поскольку в семье было трое детей, Чжун Цзяньго давал жене тридцать юаней в месяц и не забывал каждый раз напоминать жене, что она может давать матери не больше юаня.

Чжун Цзяньго говорил строго, и Бай Хуа не посмела его послушаться. Мать Бай, которой перестало хватать денег, начала прятать вещи.

Дава обнаружил, что его бабушка ворует и прячет вещи, и, пожаловавшись матери, назвал бабушку очень плохой. Та же в ответ дала ему пощечину, заявив, что сын не знает вежливости.

Чжун Дава был так обижен, что не смел разговаривать с матерью, боясь, что она его ударит. Когда Бай Хуа говорила ему что-то сделать, Дава делал вид, что не слышит ее, и часто подозревал, что бабушка нарочно делает мясо невкусным, чтобы забрать остатки себе.

Чжун Цзяньго любил своего старшего сына и быстро заметил, как тот стал капризничать и постоянно ворчать. Он резонно боялся, что ребенок думал, что и папа, и мама были плохими людьми, которые поддерживали семью его бабушки.

Отношения между старшим сыном и Бай Хуа испортились. После смерти жены Чжун Цзяньго сказал Даве, что найдет мачеху, которая будет добра к ним троим. Ни старший, ни второй сын не возражали.

Когда невестка Чжун взяла Даву к себе домой, он услышал от двоюродной сестры, что у всех мачех черные сердца, они даже хуже его бабушки по матери и по отцу. Поэтому Дава поднял шум, что не хочет мачеху.

Сун Чжаоди очень хорошо отнеслась к трем мальчикам. Когда Чжун Цзяньго увидел ласковое поведение старшего сына, то осмелился попросить его называть Сун Чжаоди мамой.

Чжун Цзяньго также знал, что у его старшего сына вспыльчивый характер. На обратном пути из лагеря мужчина все еще размышлял, как ему убедить Сун Чжаоди не опускаться до уровня детей и не затевать ссор, если Дава не станет ее слушаться.

Заготовленная речь не понадобилась. Когда Сун Чжаоди приказала Даве что-то сделать, тот не пропустил ее слова мимо ушей, а послушно выполнил указание. Как будто человек полностью изменился.

Едва отойдя от потрясения, Чжун Цзяньго сказал:

— Давай поговорим.

— Снова? — Сун Чжаоди стало любопытно. — На этот раз ты откровенно признаешься во всем?

Чжун Цзяньго хмыкнул.

— Что ты сделал за моей спиной? — Любопытство девушки разгорелось сильнее.

— Давай поговорим об этом после ужина. Что будет есть Санва?

— Хм. Я не готовила для него.

Дава посмотрел на еду на столе:

— Опять заставлять Санву пить сухое молоко? Слишком много сухого молока вредно, так говорила моя мама.

Чжун Цзяньго искоса взглянул на своего старшего сына: «Когда твоя мать была жива, я что-то не заметил, чтобы она была выше своей матери».

— Дава, откуда твоя мать знала, что сухое молоко вредно?

— Бабушка сказала, — ответил мальчик.

Сун Чжаоди вдруг подумала кое о чем:

— Бабушка также говорила тебе, что молоко невкусное.

— Да.

Когда Бай Хуа была жива, Дава испытывал отвращение к каждому слову матери. Теперь, когда Бай Хуа умерла, в его голове словно сами по себе всплывали все ее объяснения.

— Откуда ты знаешь, что сказала моя бабушка?

— Я умнее твоей бабушки, и я также знаю, что твоя бабушка лгала тебе, — рассмеялась Сун Чжаоди. — Кстати, Чжун Цзяньго, бабушка Давы знает о твоём браке со мной?

— Не только она, но и моя мачеха не знает, — сказал Чжун Цзяньго. — Ты сказала, что тебе не нравится моя мачеха, поэтому я не рассказал даже своему отцу.

— Я знаю, что ты им не говорил, — кивнула девушка. — Я имею в виду, они ещё не знают?

— Неизвестно.

Улыбка с лица Сун Чжаоди исчезла:

— Похоже, нам действительно нужно хорошенько поболтать.

— Сначала поешь, еда остывает. — Он не хотел ссориться с ней в присутствии детей.

— Сначала завари сухое молоко для Санвы, — сказала Сун Чжаоди. — Когда мы закончим есть, я приготовлю ему молочную кашу.

Чжун Цзяньго кивнул и пошел готовить сухое молоко.

Сун Чжаоди посадила Санву на стул:

— Дава, придержи своего брата, я положу тебе утиные ножки.

Дава с шумом поднялся.

Сун Чжаоди потеряла дар речи и снова захотела рассмеяться. Как давно этот ребенок не ел мяса? Однако она не осмелилась позволить ему съесть слишком много, опасаясь, что мальчик не переварит пищу и не сможет заснуть ночью.

Бросив утиную шкурку в миску Чжун Цзяньго, Сун Чжаоди разорвала утиную ножку пополам и поделила ее между братьями:

— Эрва, если ты не можешь доесть, отдай это своему брату. В горшочке еще много мяса, и завтра будет что поесть. Если ты быстро набьешь живот, то он у тебя заболит.

— Хорошо. — Эрва откусил кусочек утиного мяса, поднял голову и заметил, что перед Сун Чжаоди лежат только белые паровые булочки. — Почему ты не ешь?

Сун Чжаоди подняла бровь и заметила, что Дава тоже остановился, поэтому она не стала говорить, что планирует выпить суп, прежде чем есть мясо, а прямо сказала:

— Я люблю суп.

— Твои предпочтения действительно необычны, — Чжун Цзяньго вышел с сухим молоком и окинул ее довольно пренебрежительным взглядом, мол, какой смысл притворяться.

— Очень необычны, да, — небрежно ответила Сун Чжаоди. — Если бы они не были необычными, я бы не вышла за тебя замуж.

У Чжун Цзяньго перехватило дыхание, и он невольно стиснул зубы:

— Ты...

— Дава, утка вкусная? — спросила Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго глубоко вздохнул и продолжал уговаривать себя: «Не ссориться на глазах у детей, не ссориться на глазах у детей».

— Дай мне утиное крылышко.

Сун Чжаоди передала ему Санву, взяла миску Чжун Цзяньго, положила мяса и поставила ее перед мужчиной.

— Так много! — не удержался от восклицания Дава и спросил, присмотревшись:— Утиная

голова? А это что такое тоненькое?

— Кишки. А это желудок. — С этими словами она положила утиную печень и крылышки в свою миску.

— Ты так добра ко мне, — с ехидной улыбкой сказал Чжун Цзяньго.

— Конечно, — прямо согласилась Сун Чжаоди. — Кто сделал тебя моим мужчиной?

<http://tl.rulate.ru/book/77678/3579340>